

Остряк А.Н.
ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В СВЕТЕ
ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

Определение понятия «исторический источник» обречено на постоянную модернизацию, обусловленную сменой моделей восприятия современности и способов изучения прошлого. Доминирующие в современном источниковедении подходы, опирающиеся на культурологическую и информационную концепции историописания, а также рассматривающие исторический источник как некую вездесущую целостность [3, с. 90–93; 5, с. 137–139], с разных позиций формируют представление о ключевом феномене исторического познания и науки. При всей кажущейся очевидности феномена исторического источника и претензий на исчерпывающий характер существующих определений в начале XXI в. продолжают поиски путей уточнения смысла этого понятия, путем применения различных методологических подходов, способных дать отличное от существующих видение образа этого понятия или уточнить значимые его грани для обновленного понимания феномена в целом.

В этой связи весьма перспективным видится осмысление исторического источника с позиций теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, методологическая ценность которой достаточно глубоко проанализирована в современной философии и филологии, в то время как историческая наука не в полной мере использовала познавательные возможности этой концепции. Теория информации, сформулированная К. Шенноном и Р. Якобсоном в 40-х гг. XX в., нашла свое отражение в определении исторического источника через 30–40 лет. Работы Ю. Хабермаса, посвященные теории коммуникативного действия, были написаны в 70–80-х гг. XX столетия. Очевидно, что назрела потребность осмыслить методологическое значение этой теории для исторической науки в целом и источниковедения в частности.

Концепция Ю. Хабермаса представляет собой дальнейшее развитие взглядов М. Вебера, Т. Парсонса, А. Шюца, Р. Рорти на проблемы коммуникации в обществе. Ю. Хабермас предположил, что с изменением структуры общения и перформативности возможен переход к иному типу рациональности – коммуникативной рациональности, воплощением которой является такой идеальный конструкт, как «публичная сфера» – некое пространство, в котором взаимодействуют или противостоят «система», стремящаяся подчинить себе мир смыслов и значений, и «жизненный мир» – интерсубъективная повседневная коммуникация [1, с. 41, 43]. При этом коммуникативное действие – компромиссный концепт – действие, направленное на достижение взаимопонимания и согласия [7, с. 320–325], которое является целенаправленным, рациональным и становится «видимым» и осмысленным в контексте культуры и требует интерпретации [8, р. 133–134].

Понимание современности с позиций коммуникативного пространства в духе концепции Ю. Хабермаса, в котором общение и коммуникация являются видами деятельности наряду с производством материальных и нематериальных благ, резонно порождает вопрос об изучении коммуникации в прошлом, что постепенно приводит к формированию нового исследовательского направления в рамках исторической науки – исторической коммуникологии [2]. В целом, представление об историческом познании как коммуникативном процессе и восприятие исторических источников как объектов сферы коммуникации для исторической науки не является новым [6, с. 53]. Однако, процесс создания исторического источника в свете теории коммуникативного действия выглядит весьма интересно. Существующие подходы к определению понятия «исторический источник» фокусируют внимание на «готовом» источнике, данном в современности, ибо справедливо утверждение о том, что ни один предмет бытия, ни один культурных феномен не создаются как исторические источники. В то же время, осознание природы исторического знания, которое кристаллизуется посредством использования информационных возможностей исторического источника, существенно корректирует его – знания – содержание.

Публичная сфера ситуативна в ее онтологическом измерении и субъективна в смысле индивидуального восприятия и участия в ней. Публичная сфера до конца XX в. как сфера коммуникации была обусловлена личным участием автора источника в тех или иных событиях, а с начала XXI в. она утрачивает территориальную и любую другую географическую детерминацию, виртуализируется и в значительной мере определяется лишь техническими возможностями.

Историк опосредовано через зафиксированную коммуникацию или ее нарративное представление в источнике/тексте должен (так чаще всего хочется исследователю) максимально точно воссоздать обстоятельства, которые наполняли публичную сферу – материально и нематериально обусловленную ситуацию, приведшую к изменениям/действиям, зафиксированным в источнике. Процесс исторического исследования в чистом виде – диалог с «зеркалом» публичной сферы – источником, в котором не всегда в открытой форме содержатся сведения о ней – параметрах коммуникативного действия в прошлом. Результатом познания прошлого, при условии способности историка «разговорить» источник, является его монолог о том, что он смог установить, реконструировать, предположить.

Исторический источник – основанный на метафоре конструкт, который символизирует результат конвенции между сознанием и объективной реальностью и определяет пригодность предметов и явлений материального и публичного пространств к фиксации и трансляции информации с историческим значением. Подобный подход в своих работах обосновывал А.С. Лаппо-Данилевский, с акцентом на диалоге сознаний исследователя и автора свидетельства как ключе к пониманию сведений источника. У Ю. Хабермаса публичная сфера – среда, в которой посредством полилога/коммуникации формируется взаимопонимание – семантика образных и предметных/сущностных представлений, на основании которых осуществляется жизнедеятельность, и которые, в свою очередь, находят или не находят свое отражение в исторических источниках. Коммуникация – это составляющая исторической реальности, оболочка действия, которая его предвещает, сопровождает и отображает. Уровень знания об историческом факте, в таком случае, в значительной степени зависит от осознания его коммуникативной «подкладки», которая определяет поэтапное продвижение к истине – от констатации до денотации, коннотации и интерпретации. Чем скуднее информация источников, тем шире возможности для дискурсивных практик, заполняющих недостающие характеристики публичного пространства и жизненного мира. Таким образом, коммуникативное действие – обратная сторона дискурса, исходная позиция при интерпретации содержания исторического источника. Не случайно историки часто апеллируют к компетентности автора источника, степени его участия в описываемых в источнике событиях и т.п. При этом чаще всего акцент делается не на событийной стороне жизни автора свидетельств, а именно на коммуникативной его деятельности, позволяющей выявить необходимые архетипы его когнитивных практик и мотивов самовыражения доступным для него способом – письмо, изображение, предмет и т.д. Именно в этой сфере лежит наибольшее количество проблем, которые в общем виде проявляются в главном противоречии в историописании между историком и источником: недосказанное, недопоятое, задуманное и реализованное, задуманное и нереализованное, «сделанное молча», непонятное, необъяснимое и т.п. – это те загадки, которые вынуждают историков обращаться к публичной сфере и коммуникативному действию как средству дефрагментации исторической реальности и продвижения дискурсивных практик по пути преодоления субъективности исторического знания. Именно благодаря коммуникации между специалистами и потребителями исторических знаний в обществе вырабатываются критерии истинности знания, и вместе с развитием дискурсивных практик они подаются коррекции.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса наталкивает еще на одно предположение: если попыткам современных историков проникнуть в публичную сферу прошлого чаще всего препятствует «сопротивление материала», – в источниковедении – это пробелы в источниковой базе – отсутствие источников, достаточного количества свидетельств, в которых в полной мере отражены реалии публичной сферы прошлого, что не может быть полноценно компенсировано привлечением источников личного происхождения, устных источников и т.п., то публичная сфера XXI в., при всей насыщенности коммуникативного пространства и интенсивной фиксации коммуникативных действий внутри него, также рискует быть недостаточно изученной по той же причине – при видимом избытке, его сохранность и доступность в будущем выглядит довольно неоднозначно.

Таким образом, теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса достаточно органично дополняет существующие в науке представления об историческом источнике. Прежде всего, источник – результат приложения энергии не только творца свидетельства, но и публичной сферы, которая определяла, корректировала, обновляла общественные установки/конвенции,

обусловившие форму, формат и полноту свидетельства. Это позволяет скорректировать представление об информации исторического источника, которая в существующих подходах чаще всего не связывалась со сферой коммуникации. Под влиянием концепции Ю. Хабермаса расширился горизонт исторического познания, при котором не только данные источника, но и публичная сфера времен его создания представляют собой исследовательскую проблему. Наблюдения Ю. Хабермаса по поводу развития коммуникативной сферы дают важные методологические послы для сохранения первичной источниковой базы, содержащей свидетельства по отечественной истории XXI в.

1. Вербилович, О. Теория коммуникативного действия: ключевые категории и познавательный потенциал / О. Вербилович // Публичная сфера: теория, методология, кейс-стади : коллектив. моногр. / под ред. Е. П. Ярославской-Смирновой и П. В. Романова. – М. : ООО «Вариант»: ЦСПГИ, 2013. – С. 35–52.
2. Дятлов, В. Історична комунікація та культура комунікації доби Середньовіччя і ранньомодерного часу : навчальний посібник / В. Дятлов. – Чернігів : Чернігівський національний педагогічний університет імені Т. Г. Шевченка, 2016. – 160 с.
3. Источниковедение : учеб. пособие / И. Н. Данилевский, Д. А. Добровольский, Р. Б. Казаков и др. ; отв. ред. М. Ф. Румянцева ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. – 685 с.
4. Приходько, Я. Текст як факт соціальної комунікації (джерелознавство в системі інтелектуальної історії) / Я. Приходько // Ейдос. – 2005. – Вип. 1. – С. 77–82.
5. Русина, Ю. А. Методология источниковедения: [учеб. пособие] / Ю. А. Русина; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 204 с.
6. Святец, Ю. А. Исторический источник: современная научная категория или архаизм / Ю. А. Святец // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2011. – Вып. 6. – С. 41–55.
7. Хабермас, Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие : [пер. с нем.] / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2000. – 380 с.
8. Kulczycki, E. Communication History and Its Research Subject / Emanuel Kulczycki // Annals of the University of Craiova – Philosophy Series. – 2014. – Vol. 33 (1). – P. 132–155.

Богдашина Е.Н.

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Общеизвестно, что классификация объектов исследования является важным средством организации любой познавательной деятельности. Для источниковедов разработка классификационных приемов и принципов, создание разных классификаций имеет огромное значение. Во-первых, классификация углубляет представление о природе исторического источника. Во-вторых, классификация способствует дальнейшей разработке теоретических проблем источниковедения. В-третьих, классификация помогает лучшему изъятию информации, содержащейся в однотипных источниках. Историк-источниковед использует свое представление об общих свойствах данного вида или типа источников для того, чтобы глубже изучить конкретный исторический источник [1, с. 82].

Классификации исторических источников принято делить на общие и отдельные. Общие классификации охватывают все виды и подвиды основных типов источников (письменные, вещественные и т. п.) или вообще все источники. Отдельные классификации создаются по разным классификационным подходам (аутентичность, место нахождения, форма, происхождение, содержание и т. п.) и имеют как чисто научный, так и прикладной характер. Мы в данном случае сосредоточимся на классификации одного типа исторических источников – письменных.

Множество классификаций письменных источников в основном тематического характера предлагались отечественными исследователями еще в дореволюционное время [см. детально: 6].

В советском источниковедении также преобладали тематические классификации письменных источников. Например, Г.П. Саар в работе «Источники и методы исторического исследования» делил источники на три группы: по истории государства и идеологии; по истории экономического развития общества; по истории революционного движения [10, с. 21]. С.М. Каштанов и А.А. Курносков также делили письменные источники по тематическому содержанию на